

сапогах, майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностью своего звания и за лишней рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу; генералы, перебежавшие в адвокаты; развитые посредники, развивающиеся купчики, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос <...> Уж если Варвара Петровна, до самой катастрофы с ее сынком, состояла чуть не на посылках у всей этой сволочи, то другим из наших Минерв отчасти и простительна их тогдашняя одурь» [Т. 10. С. 354].

В Словаре В.И. Даля «сволочь» — ‘дрянной люд, шатуны, воришки, негодяи, где-либо сошедшиеся’; у Достоевского — ‘собирающиеся в смутное время вместе люди, совершающие или готовые совершить подлые поступки’.

Помимо строгой обусловленности использования бранной лексики авторскими интенциями, такого же рода детерминированность мы видим во взаимосвязи сквернословия с типологическими чертами персонажей Достоевского, принимая также во внимание личность адресата, на которого направлена брань. Выделим основные типы персонажей, использующих у Достоевского бранную лексику.

1. Разорившиеся (обедневшие) помещики или чиновники, обращающиеся чаще всего к своим слугам или родственникам:

«[Голядкин Петрушке] Болван! Не можешь сказать принесли-с» [Т. 1. С. 111]; «[Фома Фомич Фалалею] Поди сюда, поди сюда, нелепая душа, поди сюда, идиот, румяная ты рожа!..» [Т. 3. С. 61]; «[Марья Александровна о Никитке] У меня есть предчувствие, что этот изверг Никитка непременно испортит обед! Я уверена, что он уже пьян... | <...> вместо того чтоб идти присмотреть за извергом Никиткой, Настасья Петровна проходит в зал» [Т. 2. С. 319].

Бранная лексика здесь и в подобных случаях употребляется, с одной стороны, для номинации лица, то есть как собственно оскорбление, с другой стороны, намеренное повторение бранных слов по отношению к одному и тому же адресату эксплицирует и другую их функцию — ярлыка. Чаще всего такое словоупотребление встречается в речи персонажей-самодуров, создающих посредством многочисленных ругательств вокруг себя некоторую эпатажность.

2. Речь арестантов и их надсмотрщиков в «Записках из Мертвого дома», а также Федьки Каторжного:

«— Подлец ты, а не каган!» [Т. 4. С. 24]; «— Подлец! — Варнак! — И пошла опять ругань, еще больше, чем до потчеванья» [Там же. С. 113].

3. Речь однозначно отрицательных персонажей, «персонажей-хищников», например Петра Верховенского:

«Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, — вот чего надо!» [Т. 10. С. 325]; «Я с